

УДК 347.132.6

В статье автор анализирует нормы ГК РФ о недействительности сделок, а именно предписания, применение которых предполагает обращение к принципу добросовестности, и делает вывод о необходимости внесения в действующее законодательство изменений, направленных на преодоление выявленных проблем.

К л ю ч е в ы е с л о в а : добросовестность; недействительность; оспоримая сделка; ничтожная сделка; эстоппель.

The article analyzes the rules of The Russian Civil Code regarding invalidity of transactions, especially the provisions which imply the use of good faith principle. The author makes a conclusion on the necessity for amendments in the current legislation to solve the identified problems.

К e y w o r d s : good faith; invalidity; voidable transaction; void transaction; estoppel.

А. Е. Парамонова

E-mail: paramonova.anastasia@gmail.com

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Проблемы отражения принципа добросовестности в общих предписаниях о недействительности сделок

Научная статья

A. E. Paramonova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

The Problems of Displaying Good Faith Principle in General Rules on the Invalidity of Transactions

Scientific article

На основании предложений Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Концепция) [1, с. 9–12] Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в нормах § 2 главы 9 ГК РФ получил свое отражение принцип добросовестности, закрепленный в п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ в качестве одного из основных начал гражданского законодательства.

При этом понятие добросовестности не раскрывается ни в реформированном ГК РФ, ни в самой Концепции. Последняя содержит лишь указание на то, что «предсказуемость поведения основана на удовлетворении ожиданий, а они базируются на представлениях о добросовестном поведении» [1, с. 10]. Возможный отрицательный эффект этого упущения смягча-

ется выдержанным в том же ключе разъяснением п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которому, «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации» [2].

Напротив, в п. 1 ст. 10 ГК РФ свое законодательное закрепление нашло определение злоупотребления правом. Оно исключает признание поведения добросовестным и представляет собой осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное поведение. Между тем наме-

рение, цель, заведомость – это признаки умысла. Может ли отсутствие такового свидетельствовать о безусловном наличии добросовестности, которая, кроме того, предполагается (п. 5 ст. 10 ГК РФ)? На наш взгляд, ответ на поставленный вопрос должен быть отрицательным. Отсутствие добросовестности и злоупотребление правом не являются тождественными понятиями: второе из них служит частным случаем первого. Как будет показано ниже, зачастую добросовестность связывается с тем, знало ли лицо о факте и должно ли было о нем знать. В последнем случае об умысле и, как следствие, злоупотреблении правом говорить не приходится, но поведение может быть признано недобросовестным. В то же время необходимо учитывать, что недобросовестность предполагает наличие вины субъекта (в форме умысла или неосторожности), тогда как добросовестность – ее отсутствие. Пользуясь этим критерием, В. И. Емельянов характеризует добросовестно действующего субъекта следующим образом: «Лицо следует считать добросовестным в том случае, когда оно действует без умысла причинить вред другому лицу, а также не допускает легкомыслия (самонадеянности) и небрежности по отношению к возможному причинению вреда» [3]. Очевидно, что автор исследует добросовестное поведение с субъективной стороны, через призму вины (или ее отсутствия) причиняющего вред субъекта.

Следует согласиться с теми авторами, которые отмечают дуализм явления добросовестности [4, с. 369; 5, с. 4–7]. Одним из первых в отечественной цивилистике данная точка зрения была сформулирована И. Б. Новицким, который исследовал добросовестность в двух аспектах: в объективном смысле она рассматривается как некое общее мерило, установление границ для проявления эгоизма, признания интересов общества (именно в таком свете говорит о добросовестности п. 1 вышеуказанного постановления Пленума Верховного суда РФ); в субъективном смысле она определяется не честным образом мыслей как таковым, а знанием или незнанием фактов [6, с. 124, 130, 135].

Данный дуалистический подход к понятию добросовестности воспринят отечественным законодателем, в частности, в нормах, закрепленных в § 2 главы 9 ГК РФ. В этом параграфе содержатся три предписания, предполагающие применение принципа добросовестности.

1. Поскольку в абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ защита интересов лица ставится в зависимость от его знания о тех или иных фактах реальной действительности, можно сделать вывод о том, что в данном случае законодателем используется понятие доброй совести в субъективном смысле. С другой стороны, добросовестность в объективном смысле здесь также должна учитываться, так как при применении этой нормы, кроме знания об основаниях для признания сделки недействительной, следует установить также, явствовало ли из поведения оспаривающего сделку лица воля к сохранению ее силы.

2. Ввиду того что при признании поведения недобросовестным по п. 5 ст. 166 ГК РФ имеет значение его оценка с точки зрения третьего лица, в данной норме речь идет об «объективной добросовестности».

3. В связи с использованием в абз. 2 п. 1 ст. 167 ГК РФ формулы «лицо, которое знало или должно было знать», можно сделать вывод о том, что в данном предписании законодатель вновь обращается к субъективному пониманию добросовестности.

Необходимо учитывать, что изложенные нормы не только оперируют двумя аспектами добросовестности, но и закрепляют различный объем ее применения в зависимости от того, является ли сделка оспоримой или ничтожной: в последнем случае может быть применимо лишь предписание п. 5 ст. 166 ГК РФ.

Анализ вышеуказанных норм выявил следующие проблемы, с которыми может столкнуться практика их применения.

1. В противовес абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ, закрепляющему специальное основание для отказа в удовлетворении преобразовательного иска участника оспоримой сделки, п. 5 ст. 166 ГК РФ содержит формулу: «не имеет правового значения». Что подразумевал под этим выражением законодатель, понять сложно, как и то, каким образом согласовать данное положение материального закона с законом процессуальным. Если лицо, действующее недобросовестно, осуществляет свое право требовать признания сделки недействительной путем подачи искового заявления, последнее не следует принимать? Или лицу должно быть отказано в удовлетворении иска? Первый вариант никоим образом не соотносится с положениями ГПК РФ и АПК РФ,

предусматривающими закрытый перечень оснований для отказа в принятии искового заявления (ст. 134 ГПК РФ), оставления его без движения (ст. 135 ГПК РФ, ст. 128 АПК РФ) и возвращения (ст. 136 ГПК РФ, ст. 129 АПК РФ). Второй вариант противоречит самой норме п. 5 ст. 166 ГК РФ: принятие искового заявления о признании сделки недействительной, возбуждение производства по делу, рассмотрение дела по существу, вынесение судебного акта свидетельствуют о безусловном наличии правового значения заявления о недействительности сделки.

Как представляется, в п. 5 ст. 166 ГК РФ речь идет о том, что решение суда не может быть основано на заявлении о недействительности сделки, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки. При использовании данной формулировки проблемы соотношения материального и процессуального законодательства вполне могли бы быть преодолены без ущерба достижению преследуемой этой нормой цели.

2. В отличие от абз. 4 п. 2 ст. 166 и абз. 2 п. 1 ст. 167 ГК РФ, в п. 5 ст. 166 ГК РФ речь идет не об оспоримой, а о недействительной сделке, к которой, по терминологии действующего ГК РФ, относится и сделка ничтожная. Оспоримая сделка по своей природе является действием правомерным и действительна до момента ее эффективного оспаривания по преобразовательному иску заинтересованного лица, тогда как сделка ничтожная – действие неправомерное; она не влечет желаемого сторонами правового эффекта с момента ее совершения [7, с. 27–28]. При буквальном применении п. 5 ст. 166 ГК РФ заявление недобросовестного лица о недействительности ничтожной сделки также «не имеет правового значения».

Суд, удовлетворяя установительное по своей природе притязание о признании ничтожной сделки недействительной, не создает новые права и обязанности для сторон, а констатирует отсутствие правового эффекта ничтожной сделки, желаемого ее сторонами. Отказ в иске на том основании, что о ничтожности заявляет недобросовестное лицо, в сущности, создает для сторон желаемые ими, но не порожденные сделкой

правовые последствия. В случае же когда недобросовестной стороной заявляется возражение о ничтожности сделки, а суд не вправе положить его в основу своего решения, он может вынести, основываясь на п. 5 ст. 166 ГК РФ, судебный акт, понуждающий к ее исполнению. Предполагались ли данные последствия законодателем либо формулировка п. 5 ст. 166 ГК РФ носит случайный характер? При рассмотрении данной нормы в совокупности с положениями абз. 4 п. 2 ст. 166, абз. 2 п. 1 ст. 167 ГК РФ речь в п. 5 ст. 166 ГК РФ, представляется, может идти только о заявлении об оспоримости сделки. Аналогичный подход используется и в международном частном праве: например, в ст. 3.2.9 и 3.2.10 Принципов УНИ-ДРУА (в ред. 2010 г.) содержится норма о запрете оспаривания сделки в случае принятия ее исполнения или заявления о готовности его принять оспаривающей стороной.

Справедливо критикует распространение нормы п. 5 ст. 166 ГК РФ на ничтожные сделки А. М. Ширвиндт, который указывает, что, поскольку ничтожная сделка недействительна *ex officio*, «непринятие во внимание» соответствующего заявления пусть и недобросовестной стороны и вынесение решения о действительности сделки, в сущности, является неисполнением судом своих обязанностей [8, с. 28–32]. Поддерживают позицию об ограничительном толковании п. 5 ст. 166 ГК РФ и некоторые другие авторы [9; 10, с. 84]. Е. А. Останина, напротив, не видит ничего предосудительного в распространении правила п. 5 ст. 166 ГК РФ на требования о признании ничтожной сделки недействительной, хотя и с оговоркой «если такое применение не нарушает прав и законных интересов третьих лиц и публичного интереса» [11]. Однако ничтожная сделка, по общему правилу, нарушает публичные интересы и (или) права и законные интересы третьих лиц (п. 2 ст. 168 ГК РФ). Соответственно, неудовлетворение иска о недействительности ничтожной сделки будет санкционировать такое нарушение.

3. Распространение действия п. 5 ст. 166 ГК РФ на оспоримые сделки также небесспорно. Если недобросовестное лицо приступило к осуществлению права на оспаривание сделки посредством предъявления иска, то применению подлежит абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ; если же право на оспаривание сделки подобным образом

не осуществляется, то сделка действительна, влечет свойственные для нее правовые последствия и никакие заявления о ее недействительности в отсутствие соответствующего судебного решения не могут оказать влияние на разрешение правового спора. Следовательно, и к оспоримым сделкам норма п. 5 ст. 166 ГК РФ может быть применена лишь в части, касающейся отказа в защите права недобросовестно действующего лица, что уже урегулировано в абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ, с тем лишь отличием, что в п. 5 ст. 166 ГК РФ речь идет об объективном понимании добросовестности, а не о сочетании его субъективного и объективного аспектов. Однако именно данное сочетание способствует большей защите интересов участников гражданского оборота. В случае когда сделка не исполняется ввиду незнания стороны о соответствующем пороке, применение абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ приведет к признанию сделки недействительной, тогда как на основании п. 5 ст. 166 ГК РФ в удовлетворении преобразовательного притязания может быть отказано. В связи с этим считаем, что п. 5 ст. 166 ГК РФ необходимо исключить.

К сожалению, в сложившейся судебной практике п. 5 ст. 166 ГК РФ используется достаточно широко, особенно в совокупности со ст. 10 ГК РФ, и, как правило, без ссылки на абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ (см., например: Решение Арбитражного суда Ярославской области от 16.02.2015 г. по делу № А82-11456/2014; Решение Арбитражного суда Ярославской области от 24.09.2015 г. по делу № А82-6422/2014; Решение Арбитражного суда города Москвы от 05.11.2015 г. по делу № А40-209018/2014; Решение Арбитражного суда города Москвы от 05.11.2015 г. по делу № А40-33936/2015). Причем п. 5 ст. 166 ГК РФ применяется при разрешении любых вопросов: при заявлении возражения ответчика об оспоримости (без предъявления встречного искового заявления) или ничтожности сделки, при отказе в удовлетворении иска, в том числе встречного, о признании недействительной как оспоримой, так и ничтожной сделки, а также при наличии возражений о незаключенности договора.

Обозначенные выше проблемные вопросы отражения принципа добросовестности в общих положениях о недействительности сделок свиде-

тельствуют о необходимости внесения изменений в действующее законодательство либо, по крайней мере, корректировки практики его применения на уровне руководящих разъяснений Верховного суда РФ.

Ссылки

1. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголо1. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. № 4. С. 9–101.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8. СПС «КонсультантПлюс».
3. Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М., 2002. 160 с. СПС «Гарант».
4. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М., 2010. 423 с.
5. Егоров А. В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal insight. 2013. № 2. С. 4–10.
6. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. №1. С. 124–181.
7. Чуваков В. Б. Порочные сделки в системе юридических фактов // Сборник статей к 50-летию Е. А. Крашенинникова. Ярославль, 2001. С. 19–34.
8. Ширвиндт А. М. Ссылка на ничтожность сделки как злоупотребление правом. Изобретение судов, закрепленное в законе // Арбитражная практика. 2015. № 7. С. 24–41.
9. Седова Ж. И., Зайцева Н. В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. М., 2014. 159 с. СПС «КонсультантПлюс».
10. Немчин М. С. Контрагент недобросовестно ссылается на ничтожность сделки. Как успешно защититься с помощью эстоппеля // Арбитражная практика для юристов. 2016. № 4. С. 80–85.
11. Останина Е. А. Эстоппель и подтверждение сделки // Вестник ВАС РФ. 2013. № 11. С. 38–45. «КонсультантПлюс».